

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК ТРЕТИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА . 1940 . ЛЕНИНГРАД

„СКАЗКИ“ XVIII в. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

При изучении истории казахов, не имевших за подавляющее время колониального периода своего существования письменности, исследователь сталкивается с большими трудностями. Эти трудности вытекают из крайней недостаточности и отрывочности материала. Не останавливаясь на данных, содержащихся в опубликованных материалах и исследованиях, которые нуждаются в их критическом освоении, и прежде всего в выяснении источников, которыми пользовались авторы (напр. Паллас, Фальк, Рычков и др.), так как далеко не всегда этим источником являлось непосредственное наблюдение, мы остановимся лишь на архивных, еще не опубликованных материалах. Этот материал вообще довольно разнообразен: донесения губернаторов и других официальных лиц петербургскому правительству, переписка местной администрации и членов правительства с ханом и султанами (реже попадают письма старшин), экстракты, журналы и пр.

Мы в настоящем очерке остановимся лишь на „сказках“ лиц, посылавшихся в Орду с официальными, нередко тайными поручениями. Эти „сказки“ отбирались у возвращавшихся из Орды лиц обычно в Оренбургской губернской канцелярии. Мы не охватим в этом очерке всех „сказок“, а остановимся лишь на „сказках“, сохранившихся в центральных архивах и прежде всего в ГАФКЭ, дела которого были детально нами обследованы. Эту оговорку необходимо сделать между прочим и потому, что „сказки“ в большом количестве сохранились от 40-х и 50-х годов XVIII в.; начиная с 60-х годов их число заметно падает.

Между тем в донесениях оренбургских губернаторов Давыдова, Путятина, Рейнсдорпа очень часто встречаются ссылки на „сказки“, однако сами „сказки“ стали прилагаться к донесениям сравнительно с 40-ми и 50-ми годами редко. Очевидно, эти „сказки“ следует искать в Оренбургском областном архиве, в фонде Оренбургской губернской канцелярии; ряд таких „сказок“ нами был там обнаружен.

С формальной стороны „сказки“ однотипны, и с этой стороны анализ их не представляет большого интереса. Формальным признаком этой разновидности документа служит следующий абзац:

„Такого-то года, месяца, числа посланные в Орду к такому-то, возвратясь, в канцелярии Оренбургской комиссии (позднее Оренбургской губернской канцелярии) объявили“. Далее следует текст „сказки“, обычно разбиваемый на пункты; завершается „сказка“ подписями или лиц, с которых взята „сказка“, обычно на татарском языке, или копииста, писавшего текст „сказки“, напр.: „К подлинной сказке вместо показанных Лапина и Мансура руку приложил канцелярии Оренбургской комиссии копиист Андреан Черницын“.

Иногда сказка сопровождается пометкой: „Регистратор читал“ или „с подлинного читал протоколист Степан Иванов“. В ряде случаев „сказки“ подписывались представителями оренбургской администрации, очевидно отбравшими „сказку“; так, напр., в 40-х годах XVIII в. часто встречается под „сказками“ подпись Петра Рычкова. В отдельных случаях встречаются указания на переводчика, через которого „сказка“ отбиралась, напр.: „толмачил толмач Филат Гордеев, в чем он и подписался“.¹

Таким образом сведения из „сказок“ дошли до нас из вторых и иногда из третьих рук (копииста и переводчика), — это общая особенность данной разновидности исторического документа. Ее следует отметить, так как она, очевидно, обязывает к осторожному пользованию „сказкой“, так как всегда возможно допустить неточность передачи мысли лица, дававшего „сказку“.

Значение „сказок“ определяется прежде всего тем, что „сказки“ являются первоисточником в изучении истории Казахстана, тем более ценным, что документов, исходящих от самих казахов, мы имеем сравнительно мало и подавляющее большинство из них исходило от очень ограниченных кругов казахских владельцев — султанов и хана. Причем все эти документы писались татарскими муллами условным канцелярским языком, близким к джагатайскому. Сами феодалы прикладывали лишь свои печати.

Нужно иметь в виду, что информация пограничной администрации питалась в основном, по крайней мере в середине XVIII в., сведениями, отбираемыми через „сказки“. Донесения местной администрации центральному правительству являлись переложением содержания этих „сказок“. Иногда эти донесения дополнялись критическими замечаниями и выводами, определяющими линию колониальной политики. Если эти донесения

¹ ГАФКЭ, Коллегия иностранных дел, дела киргиз-кайсацкие, Картон 13, 1746 г., № 3, л. 80об.

являются первоклассным материалом для изучения колониальной политики царизма, то для изучения внутренней истории казахов они — документ производный. Первенствующее значение здесь принадлежит „сказке“. В данном отношении „сказки“ тем более ценны, что исходили в большинстве от лиц по социальному своему положению далеко стоящих и от чиновной царской знати и от феодальной верхушки казахского общества. На самом деле, просматривая список лиц, дававших „сказки“ в Оренбургской губернской канцелярии, мы здесь встречаем имена сакмарских казаков Мансура Асанова и Кубека Байназарова, казаков из татар Юсупа Артемьева и Абдуллы Аитова, Бузулуцкой крепости казака Матвея Арапова. Иногда это были люди, стоявшие на низшей ступени социальной лестницы, напр. Именда Текметов, который находился „вместо кощея“ у одного из оренбургских татар. Среди лиц, дававших „сказки“, мы находим имя башкира Тюкана Балтасова, калмыка Абида, татарского ученика Михайла Анчухина, крещеного калмыка Гаврила Федорова. Все это представители весьма демократических слоев тогдашнего общества. Или „сказки“ отбирались у лиц, принадлежавших к низшему слою служилого люда; к ним относился переводчик Юмангул Гуляев, казачий урядник Ф. Найденов, казачий атаман татарин Смаил, мулла Абдрезяков. Только раз встречается имя вахмистра князя Уракова.

Очень редко встречаются имена казахов, напр., сохранилась одна „сказка с доброжелательного киргизца Байбека батыря“, хотя устными показаниями казахов, приезжавших на мену или задерживаемых на линии, местная администрация пользовалась довольно широко.

Вполне естественно, что эти лица в своих „сказках“ стремились ограничить свои сообщения кругом вопросов, интересовавших местную администрацию. Но то, что они по своему социальному положению стояли далеко от правящей знати, способствовало расширению круга их наблюдений за пределы интересов царской администрации. Они естественно обращали внимание на стороны жизни казахов, близкие их интересам. Их внимание привлекали и бытовые вопросы и вопросы общественной жизни казахов. И эти наблюдения пробивались в их „сказках“, вкрапленные обычно в текст иной тематики. Круг наблюдений, отразившихся в „сказках“, мог быть тем шире, что многие лица посылались в Орду надолго, другие ранее длительный срок проживали в степи. Например, Иван Лапин, посланный к Абулмамбету Неплюевым, был „выходец из каракалпацкого плена“.¹ При постоянных сношениях и столкновениях каракалпаков с казаками он не мог не знать быта казахов. Башкиру Тюкану Балтасеву было „пребывание свое позволено иметь в той Орде для проводывания и сообщения сюда тамошних ведо-

¹ КИД, дела к-к, К. 9, 1743 г., № 3, л. 119.

мостей, под видом якобы житья там, — для отыскания сродников и прочих ево нужд“.¹ Князь Ураков был определен „при Абулхаир хане для смотрения на его поступки“.² Переводчика Араслана Бакметева хан Абулхаир сам задержал в Орде в обиде на оренбургского губернатора Неплюева. Другое обстоятельство, кроме продолжительности пребывания в Орде, которое следует отметить как способствующее расширению наблюдений посланцев, было то, что эти лица проникали глубоко в степь. Например, казак Мансур Асанов ездил с ханом Абулмамбетом в г. Туркестан и прожил там около года.³

Все это объясняет нам то на первый взгляд странное явление, что информация царской администрации в 40-х годах XVIII в., т. е. в начале укрепления колониального господства царизма в степи, была не хуже, чем, напр., в конце XVIII в., когда нередко, но далеко не всегда, власти ограничивались прилинейной информацией.

Правда, на ряду с этими моментами следует отметить и иные, суживающие круг наблюдений лиц, дававших „сказки“. Здесь нужно прежде всего указать на то, что эти лица снабжались обычно специальными инструкциями.

Инструкции по своему содержанию разнообразны. Наиболее часто они сводились к поручениям вести переговоры о выдаче пленных, о даче аманатов или содержали в себе дипломатические поручения, напр., выяснить возможность выступления казахов в случае войны России с Китаем. Нередко встречаются поручения побуждать хана содействовать развитию торгова, но никогда не встречается поручений выяснить внутренние классовые отношения в казахском обществе, — очень редко давались поручения выяснить отношения между различными феодальными группировками. Ни разу царское правительство не поднялось до мысли о необходимости представить себе общую картину общественных отношений вассального народа. Инициативу в этом направлении, правда очень редко, проявляли представители местной администрации. Например, в 1759 г. П. Рычков и А. Тевкелев послали в Коллегию иностранных дел обширное донесение, задачей которого являлось дать общую картину „тамошних обстоятельств“, в частности картину социальных отношений казахского общества.⁴ Но эта попытка явно не удалась. Нужно, впрочем, отметить, что инструкции формулировали поручения так, что открывали возможность расширения круга наблюдений, напр., Кубек Байназаров был послан „к хану, салтанам, тарханам, старшинам, батырям и народу о сыске, о поимке и о присылке сюда бежавших не поселявшихся на Самаре реке

¹ КИД, дела к-к, К. 10, 1744 г., № 4, л. 116.

² Там же, л. 240.

³ Там же, л. 105.

⁴ Там же, К. 30, 1759 г., № 4, лл. 27—55об.

кондуровских татар 25 семей и разведывания тамошних обстоятельств".¹ Подобные указания встречаются очень часто.

В основной своей массе показания „сказок“ освещают вопросы внешнеполитического характера. Но среди таких показаний встречается большое число сведений, очень ценных и с точки зрения освещения вопросов, связанных с внутренней историей казахского общества. Остановимся на ряде показаний. Прежде всего обратимся к показаниям по внешнеполитическим вопросам. Интерес таких показаний выходит за рамки истории Казахстана. Малая и Средняя Орды находились в тесных связях и взаимоотношениях с Джунгарией, Хивой, каракалпаками, Китаем. В „сказках“, относящихся к 40—50-м годам XVIII в., наиболее полно освещены взаимоотношения казахов с Джунгарией. Известно, что после войны с джунгарами в 20-х годах XVIII в. Большая Орда подпала под вассальную зависимость от джунгар. Что эта вассальная зависимость воспринималась очень остро казахскими владельцами Большой Орды, показывает, напр., то, что „знатнейший кайсаченин Тюля бий“, который „и в Ташкенте более хана владельцем почитается“, при свидании с ханом Абулмамбетом советовал ему „чтобы на зюнгорских калмык не надеялись, но больше б опасались, ибо де от них добра не будет, от которых в случае утеснения и они, Большой Орды кайсаки, спасения себе найти не знают, как перекочевкой к Российской же стороне“.² Мы можем понять, чем питалось такое отношение к Джунгарии. Если подданство казахов России в начале 40-х годов имело еще в значительной мере номинальный характер, то подданство Джунгарии было совершенно реально.

Прежде всего это сказывалось в том, что владение той или иной областью обуславливалось пожалованием этого владения со стороны джунгарского хунтайджи. В начале 40-х годов XVIII в. Хазрет (г. Туркестан) находился во владении султана Сеита, сына хана Шемяки, который „не от киргиз-кайсацких владельцев, но от Галдан Чирина к ним определен“.³ Когда Абулмамбет прибыл в г. Туркестан и между ним и Сеитом возникла борьба из-за обладания г. Туркестаном, Сеит заявил, что поскольку он „на Туркестанское ханство прежде ево Абулмамбета вступил и тому же не собою, но определением зюнгорского владельца Галдан Чирина, без ведома которого того ханства он, Сеит, и отдать не хотел“.⁴

Спор закончился тем, что обе стороны „согласились на том, чтобы им до определения Галдан Чирина ханствовать тут

¹ КИД, дела к-к, К. 14, 1744 г., № 3, л. 269.

² Там же, К. 10, 1744, № 4, лл. 107об., 108.

³ Там же, л. 106об.

⁴ Там же, л. 107.

обоим“, причем интересно отметить, что это соглашение было принято на собрании в мечети в присутствии „калмыцкого управителя“, „кой от Галдан Чирина находится тут для всех их калмыцких дел командиром“.¹

К сожалению, трудно точнее определить функции этого уполномоченного джунгарского хунтайджи. По всей вероятности это вскользь брошенное Мансуром Асановым замечание надо понимать так, что не только дела, касающиеся калмык, были изъяты из ведения местного хана и находились в юрисдикции особого доверенного лица Галдан Церена, но полномочия этого „управителя“ были более широкими, иначе трудно было бы объяснить его участие в решении вопроса, кому быть ханом в Хазрете. Во всей этой истории для обеих сторон, и для Сеита и для Абулмамбета, представлялось бесспорным, что последнее решение их спора зависит от джунгарского хунтайджи. Мансур, рассказывая все эти события, происходившие в Хазрете, прибавляет, что „он, Сеит, и тем после не удовольствовался и не хотя того Абулмамбета допустить, сам к нему, Галдан Чирину, поехал, а Абулмамбет от себя людей своих послал“.² Решения вопроса джунгарским хунтайджи Мансур не дождался. Не оставляют сомнения содержащиеся в „сказках“ показания и в том, что полномочия владельцев, вассалов хунтайджи, были ограничены; это бесспорно в отношении внешних политических отношений. Тот же Мансур рассказывает, что Абулмамбет, отправляя его, Мансура, обратно в Россию, решил отправить вместе с ним „из туркестанских жителей знатнейшего ходжу Асалу со объявлением, что туркестанские жители все подданства ея и. в. желают так же, как и оной Абулмамбет хан“.

Однако про предполагавшуюся посылку узнал „обретающийся в Ташкенте калмыцкий управитель“, запретил эту посылку и при этом „объявил хану, что и тово ему много, яко он без ведома Галдан Чирина в Туркестане до ханства достиг, а то де еще сверх того туркестанским жителям, яко в ево, Галдан Чириновой, власти состоящими, в Россию и посольство чинить хочет, что де он того без воли ево, Галдан Чириновой, допустить не может“, и Абулмамбет этому запрещению должен был подчиниться: „чего ради он, хан, принужден уже ево, Мансура, с своими токмо кайсаками отправить“, прибавляет Мансур Асанов.³

На казахов, подчинившихся джунгарскому хунтайджи, были наложены материальные повинности. В „сказках“ сохранились сведения об отдельных поборах. Так весной в 1744 г. в Хазрет приезжали два раза посланцы от Галдан Церена с требованием дани: и „сожители того города собрав взяли на Гал-

¹ КИД, дела к-ж, К. 10, 1744 г., № 4, л. 107 об.

² Там же, л. 107 об.

³ Там же, л. 109 об.

дае Чирина, в оба же приезда пороку ручного и свинцу по осьмидесяти по пяти пуд¹. Вахмистр князь Ураков показал, что в Большой Орде калмыцким войском „был побор пансырями“.²

Повидимому, этот побор был не совсем обычным. По крайней мере старшина Тюлебай бий ездил к Галдан Церену и „просил, чтобы те собранные панцыри им возвратить со объявлением, что такой налог ни у дедов, ни у отцов их не бывало“,³ но безрезультатно: старшина „принужден возвратиться ни к чему“. Помимо указаний на такие поборы материальными ценностями есть указания на обязанность казахов поставлять людей для джунгарского войска. Тот же Ураков показал, что джунгарские уполномоченные в Большой Орде „знатных той Орды молодых людей переписали в службу и оставили их с таким приказом, дабы были в поход готовы, якобы под Абулкерим бека“.⁴

Ураков ничего не говорит, чтобы такая перепись вызвала протесты местного владельца, впрочем, возможно потому, что фактически мобилизации проведено не было.

Но в то же время это указание на наборы людей не единственное. Башкир Тюкан Балтасев показал в своей „сказке“, что Галдан Церен „с Сары Манджеу и Ептанем из ташкенцев и кайсаков Большой Орды десять тысяч требовали, но оные к наряду более не обладежили как в трех тысячах“.⁵ Выяснение взаимоотношений казахов и джунгар представляет само по себе большой исторический интерес. Но выяснение этих взаимоотношений очень существенно и для истории фактического подчинения казахов царской России. До 40-х годов „принятие подданства“ было чисто фиктивным, этого не могла отрицать и старая, дореволюционная историография.⁶

Когда укрепление царистского влияния в казахской степи относят ко времени оренбургского губернатора И. И. Неплюева (1743—1758 гг.), это следует признать справедливым. Но успех колониальной политики, проводимой И. И. Неплюевым, был бы не объяснен без детального выяснения внешнеполитического положения Малой и Средней Орд. В 1741 г. произошел новый разгром Средней Орды Джунгарией, следствием которого явилось подчинение владельцев этой Орды джунгарскому хунтайджи. Один из крупнейших владельцев, Аблай, был захвачен в плен; другие крупные владельцы — хан Абулмамбет, Барак — должны были признать вассальную зависимость от джунгарского хунтайджи и дать ему в обеспечение подданства аманатов. Мы знаем, на основании материала „сказок“, в чем реально

¹ Там же, л. 108об.

² Там же, л. 242.

³ Там же, л. 242об.

⁴ Там же, л. 242.

⁵ Там же, л. 120об.

⁶ Ср., напр., Крафт, „Принятие киргизами русского подданства“. Изв. Оренб. отд. ИРГО, Оренбург, 1897 г., вып. 12.

выражалось это „подданство“. Поэтому нам будет понятно то настроение владельцев, настроение подавленности и растерянности, которое ярко отразилось в „сказках“. Это настроение было благоприятной почвой для того, чтобы среди казахских владельцев широкой популярностью стала пользоваться мысль об ориентации на Россию. После жестокого разгрома 1741 г. вести самостоятельную политику в области международных отношений казахские владельцы не могли. Это состояние бессилия и растерянности прекрасно отразили „сказки“. Возьмем хотя бы пересказ башкиром Тюканом Балтасевым выступления султана Барака на собрании старшин, где Барак „представлял, что сколько до сего при Российской стороне они ни находились, то от оной не только никакого озлобления не видали, но паче многие награждения получали, и жили во всяком покое и по своей воле; а к зюнгорской стороне не успели еще и пристать, то видите де какое от них благополучие является и тако де где им де пользу лучше найти можно, кроме как токмо от той же Российской стороны“,¹ или слова Казбек бия Бараку: „видишь де ты какая от зюнгорской стороны опасность, а и с каракалпаками замешались, к тому де слух есть, что и с Российской стороны войска собираются, тако де ежели оные от России подлино пойдут, то куда деваться неведомо“.² Очевидно, что условия укрепления своего влияния в степи были исключительно благоприятны для царского правительства. Они значительно изменились со смертью Галдан Церена (1746 г.). Эту благоприятную для себя обстановку царская администрация сумела использовать лишь в отношении Малой Орды, добившись, после ряда ошибок, значительного усиления своего влияния среди владельцев этой Орды. В отношении Средней Орды эта обстановка использована не была, а после смерти хунтайджи Галдан Церена международное положение владельцев Средней Орды изменилось настолько, что они уже не считали для себя жизненно необходимым искать протектората России. Но рассмотрение относящихся к данной теме вопросов уже выходит за рамки настоящей статьи.

Исключительно богатый материал дают „сказки“ по вопросу внутрифеодальных отношений между различными феодальными группировками. В этом отношении большое значение имеет тот фактический материал, который сообщают „сказки“ о районах кочевков отдельных феодалов. Донесения местной администрации, когда она сообщала петербургскому правительству данные о районах кочевков, как правило, лишь повторяют сведения, содержащиеся в „сказках“. Этот материал в достаточной мере точен и является совершенно незаменимым для выяс-

¹ КИД, дела к-к, К. 10, 1744 г., № 4, л. 118.

² Там же, л. 122об.

нения внутрифеодальных отношений. Дело в том, что сведения об этих взаимоотношениях, содержащиеся в донесениях, крайне засорены оценочными моментами, затемняющими или иногда искажающими действительный характер этих взаимоотношений. Зная районы кочевок отдельных „родов“, а также кочевок феодалов и их вассальную взаимозависимость, мы можем с достаточной точностью вскрыть степень влияния того или иного феодала. В частности, эти сведения позволяют выявить действительную роль хана Абулхайра, исправить те представления о характере Казахского союза в 40-х годах XVIII в., которые исходили из Оренбургской губернской канцелярии и некритически были восприняты русской историографией.¹

Не касаясь здесь вопроса о борьбе между различными феодальными группировками, материал по которой довольно значителен, остановимся лишь на одном вопросе, именно — о характере вассалитета, существовавшего в казахском обществе.

Прежде всего возникает вопрос, каков был порядок замещения отдельных владений. Несомненно, что существовало еще старое представление о старшинстве как основании получения звания хана. Когда возник спор, о котором мы писали выше, из-за Туркестанского владения между Абулмамбетом и Сеитом, „Туркестанскими жителями сделано было собрание, причем и они, Абулмамбет и Сеит ханы, были, на котором советовали, чтобы Сеита от ханства отстранить, а быть бы на том ханстве Абулмамбету, затем, что он ево, Сеита, годами старше“.² Так же обосновывал свое право на ханство и сам Абулмамбет, когда говорил, „что он старше ево (Сеита — М. В.), а как дед, так и отцы их на том ханстве сидели“.³ Впрочем и народу и Абулмамбету этот довод не казался достаточно основательным, чтобы устранить от ханства Сеита. Если Абулмамбет и аргументировал соображениями старшинства, то лишь „по особенной к нему тутошнего народа склонности“. Да и сам народ, ссылаясь на старшинство Абулмамбета, высказал действительные основания, побудившие его требовать смены Сеита, указав на собрании, что „от него, Сеита, они, туркестанцы, надлежащей расправы не имеют, ибо больше пьянствует“.⁴ Но мы уже знаем, что и согласие народа, т. е. старшин, здесь не играло решающей роли. Решающую роль играла воля сюзерена — Галдан Церена.

¹ Не останавливаясь далее на этом вопросе, позволю себе сослаться на мою статью „К истории распада казахского союза“, Сб. „Материалы по истории Казахской ССР“, т. 2. Готовится к печати. Изд. Института истории Академии Наук.

² КИД, дела к-к, К. 10, 1744 г., № 4, л. 107.

³ Там же, л. 107

⁴ Там же.

С этим любопытно сопоставить ту легкость, с какой И. И. Неплюеву удалось добиться согласия старшин на утверждение царским правительством ханом султана Нур-Али. Сам только что выбранный в ханы султан Нур-Али писал джунгарскому хунтайджи, что старшины, несмотря на выбор „до получения высокоповелительного ея и. в. указу главным ханом ево именовать не будут“.¹ Едва ли это можно отнести только за счет той растерянности, какая господствовала в Орде после трагической гибели хана Абулхайра: самая форма выхода из внутривосточных затруднений весьма показательна. Очевидно, утверждение султана ханом со стороны сюзерена было делом обычным. Но в этих двух примерах отношения вассальной зависимости осложнялись отношениями внешнеполитическими: г. Туркестан находился под протекторатом Джунгарии, Малая Орда считалась в подданстве России. Однако совершенно тот же принцип господствовал и в области внутрифеодальных отношений. Опять же „сказки“ здесь дают достаточно ясные указания. Так Лапин и Мансур Асанов показали, что вместе с ними поехал в Киреевский род хан Абулмамбет и „взял с собою сына своего большого Булата, в том намерении, что ево в том роде вместо Эр-Али султана учредить“.² Но и Эр-Али получил это владение через своего отца: „Эр-Али не своим владеет, а по отце ево“.³ Правда, со своими претензиями Абулмамбету пришлось обратиться к старшинам рода Кирей. Те отказались сменить владельца, но это их решение опять-таки было обусловлено волей и влиянием хана Абулхайра. По крайней мере после убийства Абулхайра сейчас же потерял Киреевское владение и Эр-Али. Ему пришлось бежать в Малую Орду: старшины поддержки ему не оказали.

Башкир же Тюкан Балтасев и в более прямой форме сообщил в „сказке“, что „помянутой Барак всех в ево ведомстве состоящих улусных людей разделя под ведомство знатным людям обязал их в том поручительством“, т. е., чтобы „к воровству и противностям под российские места из них, кайсаков, отнюдь никого не допускать“.⁴

Этот материал позволяет подвергнуть серьезному сомнению „выборность“ владельцев. Очевидно, что феодальный принцип пожалования в жизни возобладал над старым общинным принципом выборности.

В чем конкретно выражались отношения вассальной зависимости внутри класса феодалов? На этот вопрос „сказки“ также дают ряд ценных указаний. Прежде всего власть феодала несомненно была обусловлена поддержкой его вассалов. Это отно-

¹ КИД, дела к-к, К. 16, 1748, № 4, л. 340.

² Там же, К. 9, 1743, № 3, л. 120об.

³ Там же, л. 120об.

⁴ Там же, К. 10, 1744, № 4, л. 118об.

сится как к владельцам, так и к их главе, хану. Каждое сколько-нибудь существенное решение всегда принималось на собрании старшин. В случае же столкновения между владельцами вопрос снова переносился на собрание старшин. Указания на это, содержащиеся в „сказках“, исключительно многочисленны. Очевидно, такой порядок решения дел являлся обычным. Здесь мы можем привести лишь отдельные примеры. Так, когда в 1744 г. вернулся из джунгарского плена султан Аблай, то „по приезде ево, Аблая солтана, на совете обще положили, дабы будущую весною Баракова сына Шигаю солтана к Галдан Чирину в аманаты отдать и тем Абулмамбетова сына сменить“.¹

Когда султан Нур-Али и старшины Джанбек и Букенбай потребовали от Абулхаира, чтобы он отпустил из плена Араслана, посланца оренбургского губернатора, Абулхаир первоначально „к тому не склонился“, но в конце концов должен был объявить, „что он о том будет советовать на перекочевке на другое место вниз реки Иргизу, чего для нарочно соберет биев и старшин, к чему бы и он, солтан, приезжал“.²

Когда хан обходил решения собрания, это вызывало протест со стороны старшин. Так, напр., старшина Джагалбайлинского рода Серка Батыр послал своего сына к хану Абулхаиру с тем, что „ежели он, хан, как народного, так и своего благополучия и покоя желает, то б их согласию был послушен и означенного находящегося у него переводчика Араслана по требованию отправил ныне обратно в Оренбург“.³ Число таких примеров можно было бы умножить. Здесь видна роль феодального „права совета“, которым старшины крайне дорожили. Одной из причин возмущения старшин ханом Нур-Али в 80-х годах XVIII в. было то, что хан в практике управления отказался признать это право за старшинами.

Труднее определить частные обязательства, которыми характеризовались вассальные отношения. По этому вопросу в „сказках“ мы находим лишь отдельные, случайно брошенные замечания. Приведем некоторые из них.

Среди владельцев рода Найман был Карасакал, называвший себя батыром Шуной. Район кочевок его улусов находился в сфере влияния султана Барака. Указания на вассальные отношения Карасакала в Бараку содержатся в сказке Тюкана Болтасева. Тюкан указывает, что Карасакал всячески просился у Барака „для разорения нижних Каракалпак“,⁴ но разрешения не получил. В 1743 г. Барак потребовал военной помощи у Карасакала. Однако Карасакал „нимало его не послушал и не склонился“.⁵

¹ Там же, дела к.-к., К. 9, 1743 г., № 3, л. 124об.

² Там же, К. 13, 1746, № 3, л. 97об.

³ Там же, л. 79об.

⁴ Там же, К. 10, 1744, № 4, л. 119.

⁵ Там же, К. 9, 1743 г., № 3, л. 123об.

Мы можем предполагать, что владелец имел право требовать военной помощи от своего вассала, но фактическое выполнение этого требования зависело от степени влиятельности и силы владельца.

Можно далее предполагать, что сношение между вассалами осуществлялось через посредство стоявшего над ним владельца. Это не подлежит сомнению, когда речь идет о внешнеполитических сношениях. Сношения с Джунгарией осуществлялись через крупнейших владельцев: Аблая, Барака, сношения с царской администрацией осуществлялись по крайней мере в 40-х годах XVIII в. через хана. Султан Айчувак, который был владельцем в поколении Жеты-ру, просил в 50-х годах о разрешении сноситься непосредственно с царской администрацией; минуя хана. Но сепаратистские тенденции в действительности изменяли этот порядок и нередко влиятельные владельцы обращались непосредственно к оренбургскому губернатору. Однако и здесь, как и в отношении обязательства военной поддержки, когда вассальная зависимость становилась реальной, право внешнеполитических сношений вассалов ограничивалось не только в принципе, но и в действительности. Мы приводили случай посылки депутатов в Россию ханом Абулмамбетом, неудавшейся в силу протеста джунгарского „управителя“. Но и в Малой Орде даже в годы ослабления власти хана Абулхайра (т. е. 1746—1747 гг.) эта привилегия внешних сношений реально сохранилась за ханом. В этом отношении показательны слова Мансура Асанова о радости хана и ханши Попай, когда они узнали о пленении казахов царскими властями, „в таком рассуждении, — поясняет Мансур, — что в выручке тех пленников киргизцы ево уж не минуют, через что де они узнают, как ево, хана, и почитать“.¹

То же явление наблюдалось и во внутриордынских отношениях. Тархан Джанбек в 1744 г. „завидовал, что старшины стали от себя письмами переписываться, чего де прежде не бывало“.²

Точно так же с состоянием вассальной зависимости связывалось обязательство охранять имущественные интересы сюзерена. В чем конкретно проявлялось это обязательство, мы не знаем, но его существование проглядывает в словах хана Абулхайра, когда он, обиженный тем, что посланцев султана Барака приняли с почетом и одарили в Оренбурге, говорил кн. И. Уракову, „что де их одаривают и к ним подарки посылают, разве де они какие вам верности оказали, или плену много высвободили, или торгов много распространили?“³ Мы, конечно, не закрываем глаза на то, что здесь Абулхайр перечисляет свои службы, в которых была заинтересована царская администрация;

¹ КИД, дела к-к, К. 15, 1748 г., № 3, л. 48.

² Там же, К. 10, 1744 г., № 4, л. 122.

³ Там же, л. 242.

мы лишь указываем, что Абулхайр, вассал России, признавал свое обязательство заботиться об экономических интересах России.

Следует указать еще на один момент, связанный с отношениями вассалитета. Мы находим довольно многочисленные попытки хана побудить казахских старшин откочевать с их улусами от пределов России. Эти попытки не привели к реальным результатам. Батыр Серка прямо заявил Абулхайру, что „он де старшина с своим улусом от России отстать никогда не желает“, ¹ а старшины в ответ на призыв хана „не только вдаль не побежали, но еще и ево хана подсмехая говорили, чтоб бежал он, хан, один куда хочет, а им бежать не от кого и некуда“. ² Но дело не в том, выполняли или нет старшины требование хана, а в том, что хан мог предъявлять им эти требования. Феодалное право распоряжения кочевками формально признавалось за ханом, реализовать же это право зависело от реальной силы и влияния хана.

Приведенные данные несомненно отражают обязательство вассала руководиться в перекочевках указаниями владельца. Где не только право, но и сила была на стороне феодала, там это право распоряжения кочевьем реально осуществлялось. Отметим, что Галдан Церен, разгромивший в 1741 г. Среднюю Орду, потребовал от владельцев этой Орды не только аманатов, но и подчинения его указаниям в выборе районов кочевок. ³ Наконец, едва ли можно сомневаться в том, что на вассалах лежала обязанность мести за своего владельца. Ряд показаний по этому вопросу относится к осени 1748 г. и к 1749 г., после убийства хана Абулхайра. С этим требованием о мести обратился Нур-Али к биям и батырям Алчинского рода, когда сказал им, по свидетельству переводчика Ю. Гуляева: „ежели де вы желаете нам свою верность показать, то и обиду нашу отмстить, а когда же согласиться не хотите, то откажитесь и мы де помощника найти можем“. ⁴ Что здесь нашел отражение старый обычай кровной мести, весьма вероятно, но не надо забывать, что если процесс феодализации идет в направлении превращения общинных полей и повинностей в феодальные, то соответствующие изменения должны были претерпеть и старинные общинные обычаи. В обычном праве казахов еще жив был обычай кровной мести, но здесь, в случае убийства хана, вопрос ставился не о мести за смерть кровного родственника, а о мести вассалов за своего сеньера.

Итак „сказки“ содержат ряд указаний, которые позволяют поставить проблему о характере вассальных отношений. Правда,

¹ Там же, К. 13, 1746, № 3, л. 72.

² Там же, л. 96об.

³ Там же, К. 8, 1741, № 4, л. 15.

⁴ Там же, К. 17, 1748, № 8, л. 31об.

эти указания весьма случайны и очень часто смутны, но и они представляют большую ценность для историка. Проблема феодальных отношений в Казахстане сложная и научно не отстоявшаяся проблема. Даже те из историков, которые видят развитую систему феодальных отношений в Казахском союзе еще до момента его возникновения, т. е. до 2-й половины XV в., не указывают, в чем же конкретно выступали отношения вассальной зависимости. Однако, несмотря на смутность указаний, относящихся к интересующей нас проблеме, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что вассальные связи в середине XVIII в. были непрочны, что сепаратистские тенденции были крайне сильны. Эти тенденции очень ясно высказал султан Батыр, когда на упрек тархана Джанбека, который ему за то „что он в ханы домогается довольно выговаривал и ево в том весьма осуждал“, ответил, что если „Нур-Али в ханы выбран, то де кем тот выбор учинен у тех де он и будь, для чего де ему как он действительно ханом учредится, до ево Батыря, а ему де до их, т. е. одной до другой стороны никому ни до чьих уже дела нет, но всяк де собою порознь улусы свои иметь могут“.¹

Сравнительно незначительны указания „сказок“ на классовые отношения, в частности на формы и методы эксплуатации, существовавшие в казахском обществе. Но этих сведений вообще сохранилось немного, особенно до конца XVIII в. Всякое самое мелкое указание в этой области крайне ценно. И „сказки“ такие отдельные указания содержат. Так, Мансур Асанов сообщает очень интересные сведения о том, как султан Эр-Али „отправил ево с прилучившимся тут Барак султанским братом Искандер султаном, кой тут для отъезду ево Баракова сына к зюngerским калмыкам сбирал с кайсаков баранов, как оных в разных местах ему, Бараку, и поныне собирает для расплаты в лошадях и верблюдах, коих он, Барак, на съезд оному своему сыну в дом забрал“.² Это указание несомненно конкретизирует наши представления о повинностях, которыми казахи были обязаны владельцам. Очевидно, что на них лежала оброчная повинность скотом в случае отправки сына владельца в аманаты. На них же лежала обязанность платы скотом за долги владельца, очевидно, не во всех случаях, а в особых. Перечислить их не можем, но в частности в случае долгов, вызванных той же отправкой аманатов, погасить эти долги лежало на вассалах, в конечном счете на крестьянской массе. Можно предположить, что такое обязательство возникало лишь в связи с долгами, вызванными выполнением владельцем политических, общественных функций, но не его личной задолженностью. Встречаются указания, подтверждающие постоянную повинность. Тот же

¹ КИД, дела к-к, К. 16, 1748 г., 354 об.

² Там же, К. 10, 1744 г., № 4, л. 105—105об.

Мансур, описывая свое вынужденное путешествие в г. Туркестан вместе с ханом Абулмамбетом, пишет, что „езда была весьма тихая, как он, хан, и всегда ездит, ибо где б какие кибитки ни случились, то, заехав, всегда на ночной ночлег останавливается“.¹ В г. Туркестане владельцы собирали в свою пользу ясак, трудно сказать с кого: с местного узбекского населения или с местных казахов.²

Возможно, что на особую форму поборов указывает „татарский ученик“ Михайло Анчухин в своей „сказке“, когда рассказывает, как Абулхаир, в гневе на оренбургского губернатора, посланцев последнего вместе с их кощьями „рассадил всех порознь под караул и для того роздал своим людям в разные кибитки и держал дней с двадцать“.³ К сожалению, Анчухин не указывает, кто же их содержал, владельцы этих кибиток или хан.

Мы остановились на ряде конкретных вопросов истории Казахстана, чтобы показать, что „сказки“ содержат интересный материал не только по истории колониальной политики царизма в Казахстане, но что этот материал позволяет поставить ряд очень существенных проблем по внутренней истории казахского народа, материал тем более ценный, что степень достоверности его очень велика. На самом деле, если мы поставим вопрос о том, как собирались материалы лицами, давшими „сказки“, то нужно ответить, что в подавляющем большинстве случаев эти материалы являлись результатом непосредственного наблюдения их авторов. Мансур Асаков, Кубек и др. рассказывали то, что тот или другой из них „видел и слышал“, часто выходя из круга вопросов, предусмотренных инструкцией, часто впадая в роль повествователя. В роли такого повествователя выступал Кубек, очень подробно передавая, что он видел на собрании старшин в ставке хана Абулхаира. Он прекрасно передал не только содержание переговоров, но и осветил, так сказать, процессуальную сторону принятия решений; в этом отношении его „сказка“ представляет исключительный интерес.⁴ Иногда сведения, содержащиеся в „сказках“, передавались их автором как слышанные ими от других лиц; но сказки имели официальный характер и от лиц, допрашиваемых в Оренбургской губернской канцелярии, требовалась точность в сообщаемых сведениях. Это отражалось на построении „сказок“; когда сведения передавались на основании слухов, это обычно, но не всегда, оговаривалось. Так, специально не оговорено, но из текста ясно, что сведения об обстоятельствах изгнания из рода Кирей султана Булата, сына Абулмамбета, передано

¹ Там же, л. 106.

² Там же, л. 107.

³ Там же, К. 13, 1746, № 3, л. 96.

⁴ Там же, К. 15, 1748, № 3, лл. 128—131.

Иваном Лапиным на основании местных преданий. Сведения о намерении Карасакала напасть на каракалпак Тюкан передал со слов Барака, что он, Тюкан, прямо указывает в своей „сказке“. В той же „сказке“ мы читаем, что „о Абулмамбете хане он, Тюкан, слышал, что оной хан в Туркестан поехал, чтоб на ханство сесть“,¹ и т. д. Очень часто указывается, от кого те или другие слухи были получены. Иногда в „сказках“ встречаются данные явно ошибочные, например: казах Байбек Батыр сообщает, что „весь же народ единогласно к фамилии Абулхаир хана зело склонны и о смерти Абулхаир хана сожалеют и в отмщение всем же народом согласились Барака салтана до смерти убить или совсем ево искоренить“.² Но в этом случае легко обнаруживаются неточность и прямая фальшивость такого указания. В подавляющем же большинстве случаев сведения „сказок“ точны и надежны. Круг наблюдений лиц, посылавшихся в Орду, был сужен специальными заданиями местной администрации, но в пределах этого круга и часто выходя, как мы видели, из его пределов лица, дававшие „сказки“, сообщали сведения, собранные путем непосредственного наблюдения за время их часто длительного пребывания в Орде.

Мы, очевидно, в праве считать „сказки“ одним из основных и ценных источников для внутренней истории казахского народа.

¹ КИД, К. 10, 1744 г., № 4, л. 120.

² Там же, К. 16, 1748 г., № 4, л. 339.